

Вивисекция и борьба с ней в Российской империи в XIX — начале XX вв.

Н.Е. БЕРЕГОЙ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; nat.beregoi@gmail.com

В XIX в. вивисекция только начала входить в физиологию на правах официального научного метода (хотя, безусловно, она использовалась учёными и раньше, начиная с античности), и многие люди, которым удалось познакомиться поближе с этим методом, отвергали его как нечто абсолютно аморальное и бесчеловечное. В Европе в рядах антививисекционистов оказалось много тех, кто непосредственно был связан, с медициной и физиологией. В 1882 г. вопрос о вивисекции впервые рассматривался на I Съезде Российского Общества покровительства животным (РОПЖ). Информация об исследованиях, проводимых в лабораториях и университетах, стала доступна не только людям, имевшим отношение к биологии и медицине, но и читателям, далеким от мира науки, у которых под воздействием этой информации формировалось своё особое отношение к эксперименту. В 1904–1905 гг. антививисекционисты выносили свой проект ограничений вивисекции на суд Академии наук и получили отрицательный отзыв, что поставило крест на продвижении этого проекта на уровне законодательства.

Ключевые слова: вивисекция, антививисекционизм, баронесса В.И. Мейендорф, И.П. Павлов. Военно-медицинская академия, Академия наук.

Слово «вивисекция» в переводе с латыни означает «живосечение». В энциклопедии XIX в. российский физиолог князь И.Р. Тарханов (1892, с. 218–219) дал такое определение живосечению:

Это есть оперативный приём, применяемый на живых животных, с целью выяснения отправления тех или других органов нашего тела и в особенности внутренних, мало или вовсе недоступных непосредственному наблюдению. Путем вивисекций, конечно, различных в разнообразных случаях, исследователь проникает в разнообразные полости — в черепную, грудную, брюшную и т. д., доходит до интересующего органа, будет ли то сердце, печень, мозг, нерв и т. д., исследует их на месте путем физико-химических способов, узнает эффекты или продукты их деятельности механического, химического или нервного характера; или же удаляет органы из тела, чтобы последующим наблюдением выпадающих из жизненного оборота явлений составить себе представление о роли, которую играл удаленный орган в теле. Наконец, вивисекция предпринимается иногда с целью только удаления из тела того или другого органа — сердца, печени, мышцы и т. д., функция которых уже исследуется вне тела при определенных физико-химических условиях, изменяемых по произволу исследователем.

Эта формулировка, написанная в сугубо научном стиле, вряд ли сейчас вызовет у кого-либо содрогание. Однако в XIX в. вивисекция только начала входить в физиологию на правах официального научного метода (хотя, безусловно, она использовалась учёными и раньше, начиная с античности), и многие люди, которым удалось познакомиться поближе с этим методом, отвергали его как нечто абсолютно аморальное и бесчеловечное. В Европе в рядах антививисекционистов оказалось много тех, кто

непосредственно был связан с медициной и физиологией. В Германии о вивисекции открыто заговорили после того, как в начале 1870-х гг. на Берлинском конгрессе медиков были публично продемонстрированы на собаках опыты по действию ядов на организм животных, что вызвало негативную реакцию в обществе¹. В 1877 г. вышла в свет брошюра «Die Vivisection», в которой Ятрос, автор, врач по профессии, призывал отказаться от жестоких опытов (Iatros, 1877). А в 1879 г. Э. Вебер издал в Берлине и Лейпциге книгу «Die Folterkammern der Wissenschaft» («Застенки науки»), выдержавшую пять изданий (Weber, 1879).

В этом же году в Германии появилось специальное общество для борьбы с вивисекцией, во главе которого встал Вебер. В своей книге он называл знаменитых физиологов своего времени бессовестными палачами и преступниками. Позже было издано большое количество книг на немецком языке, в которых описывались ужасы и зверства, производимые учеными в лабораториях за закрытыми дверями. Литература такого рода разошлась по всему миру. Попадали эти книги и в Россию.

Антививисекционная литература в основном шла в Россию через Прибалтику, где действовал основанный Марией Александровной фон Шиллинг Дамский комитет Рижского приюта для животных. М.А. фон Шиллинг уже с 1870-х годов вела обширную переписку с представителями антививисекционных обществ Западной Европы. И именно она организовала в 1880 г. подачу петиции в Министерство юстиции о том, чтобы запретить производство вивисекций, по крайней мере, на территории Прибалтийских губерний (Шиллинг, 1891, с. 12, 39). Эта петиция не была удовлетворена, но вызвала большую полемику в прессе. В 1881 г. профессор Дерптского университета А.А. Шмидт опубликовал четыре открытых письма на немецком языке, в которых обвинял антививисекционистов в узколобии и в антинаучных взглядах (Schmidt, 1881).

В 1882 г. вопрос о вивисекции рассматривался на 1-м Съезде Российского Общества покровительства животным (РОПЖ). В повестку дня был включен пункт о вивисекции и создана специальная комиссия из четырех человек². В её состав вошли, в том числе, А.А. Тихомиров и В.М. Шимкевич из Общества любителей естествознания. Главным поводом для рассмотрения этого вопроса была необходимость изменения формулировки 9-го параграфа устава Общества: «никогда и ни под каким предлогом не причинять животным страданий». Эта формулировка означала невозможность членства для многих присутствовавших на съезде, так как они были ветеринарами и медиками.

Наилучшим способом выйти из этого затруднения Тихомиров считал такую резолюцию: «Обратиться от имени съезда Обществ покровительства животным к будущему Съезду Русских Естествоиспытателей и Врачей с просьбой обсудить вопрос: возможно ли, не нарушая интересов науки, положить какие-либо ограничения свободы вивисекции и, если возможно, то какие могут быть приняты в этом отношении меры»³. С этой резолюцией все согласились, и вопрос остался открытым до будущего съезда. Ответ, полученный Обществом, не был утешительным для противников экспериментирования на животных.

В июле следующего 1883 года, желая иметь как можно больше мнений по этому предмету, правление Общества обратилось в Общество практических ветеринарных врачей в Москве с просьбой дать заключение о степени необходимости вивисекций, на что уже в ноябре получило пространственный ответ, который заканчивался такими словами:

¹ Вестник Российского Общества покровительства животным. 1898. № 9. С. 278.

² Отчёт о 1-м съезде представителей РОПЖ в 1882 году. СПб., 1883. С. 4.

³ Там же. С. 12–13.

В виду вышесказанного мы полагали бы просить Российское Общество покровительства животным не касаться вообще свободы исследования науки и преподавания её, и в частности вивисекций, так как все это находится в руках весьма образованных людей, и только при поверхностном взгляде кажется, что тут сталкиваются интересы науки с целями Общества покровительства животным, а на самом деле ничего подобного нет (Исторический очерк..., 1890, с. 221).

Получив такой отзыв, правление не возбуждало более никаких ходатайств, вплоть до октября 1886 г., когда в газетах появились известия о предполагавшихся в Петербурге публичных лекциях о действии ядов на организм с пояснением их опытами на животных⁴. Правление сообщило о своём возмущении в Комиссию Педагогического музея военно-учебных заведений, от которой зависело утверждение программы лекций. В итоге никаких опытов над животными произведено не было. Любопытно, что лекции эти должен был читать профессор И.Р. Тарханов, который был очень популярен у публики и считался непревзойденным оратором среди физиологов. Запрещение демонстрации опытов вызвало негативную реакцию в прессе. В газетах «Петербургская газета» и «Петербургский листок» напечатали оскорбительные статьи в адрес РОПЖ⁵. Да и сам Тарханов был обижен. Видимо, эта обида сыграла определенную роль и написании им через много лет разгромной статьи в адрес противников вивисекции (Тарханов, 1892, с. 220–221).

В том же 1886 году рассматривался вопрос о включении параграфа о вивисекции в новый проект устава Общества. Параграф этот на голосовании не прошёл. В большинстве своём, несмотря на личное отрицательное отношение к вивисекции, члены Общества преклонялись перед мнениями о ней авторитетов науки, и ходатайствовать о полном запрещении её не помышляли никогда. Такое единодушие не мешало, однако, некоторым членам Общества иметь своё мнение на этот счет и печатать гневные и обличительные статьи в газетах и журналах.

Повышенное внимание общества вызвала статья зоолога Н.А. Варпаховского «Учёные живодеры», напечатанная в «Новом времени» в 1889 г.⁶ Эта статья явилась реакцией на опубликование в том же «Новом времени» отрывков из диссертации доктора П. Петермана, работавшего в Военно-медицинской академии в лаборатории профессора В.В. Пашутина. Диссертация называлась «О значении кожи в процессе газообмена организма» и описывала опыты по удалению большей части кожи у животных без наркоза и наблюдения за этими животными. Варпаховский утверждал, что бессмысленность вивисекционных опытов дошла до того, что с собак живьём сдирают кожу, чтобы выяснить, что из этого может выйти. Автор приходит к мнению, что пока вивисекциям не будет положен предел властью, от которой они зависят, всякая борьба с ней будет бесплодна. Из-за важности предмета статья была послана в разные медицинские и другие учёные общества, но ниоткуда на неё никакого отзыва не последовало.

Все это говорит о том, что информация об исследованиях, проводимых в лабораториях и университетах, стала доступна не только людям, имевшим отношение к биологии и медицине, но и читателям, далеким от мира науки, у которых под воздействием этой информации формировалось своё особое отношение к эксперименту.

⁴ Петербургский листок. 1886. № 304 от 7 ноября. С. 2.

⁵ Петербургская газета. 1886. № 319 от 20 ноября. С. 2; Петербургский листок. 1886. № 307 от 10 ноября; № 308 от 11 ноября.

⁶ Новое время. 1889. № 4684 от 14 марта. С. 2.

Мне представляется, что общество в то время условно разделилось на три группы. К первой группе отнесём тех, кто приветствовал вивисекцию, кто не хотел отставать от времени и для кого новые достижения науки были показателем прогресса человечества. Они готовы были закрыть глаза на явную и подчас чудовищную жестокость вивисекционного метода ради блага человечества, на которое они ссылались вслед за учёными. Сюда же, пожалуй, отнесём и тех, кто использовал популярность вивисекционного метода для оправдания своих низменных потребностей в мучительстве живых существ. Вторая группа — это те, кто выступал против вивисекции. И третья, довольно большая часть населения, была безразлична как к науке, так и к проблеме этического отношения к животным. Эти люди жили своими повседневными заботами, в стороне от активной общественной жизни. Наиболее интересна для меня позиция тех, кто выступал против опытов.

Эта часть общества не была однородна, в ней выделялись те, кто вынужден был признать необходимость вивисекции для достижения прогресса в познании функций человеческого организма, причин болезней и средств борьбы с ними. Эти люди возмущались только «злоупотреблениями», которые имели место в лабораториях. Но были и те, кто вообще не желал достигать прогресса такой кровавой ценой. Для этой части общества научный прогресс значил очень мало в сравнении с такими непреходящими ценностями, как милосердие и сострадание. Некоторые из противников вивисекции, люди, активные от природы, были настолько возмущены тем, что происходит в лабораториях, что готовы были отстаивать своё право жить в мире, где руки учёных и врачей не обгажены кровью несчастных животных. Эти люди начали проявлять активность только в конце 1890-х годов.

В это время началась подготовка нового устава РОПЖ, и в делах Общества начала принимать участие баронесса Вера Илларионовна Мейендорф, жена генерал-майора свиты Е.И.В. — дама, близкая к императорскому двору и весьма сентиментально настроенная по отношению к животным. Вопрос о вивисекции снова был поднят в заседании правления 1 ноября 1901 г. Действительный член Общества г-жа Е.Е. Мейснер сделала доклад о необходимости учреждения кружка для борьбы со злоупотреблениями вивисекцией. В декабре такой кружок был образован⁷. Правда, установить, чем он занимался, не удалось, так как нигде в отчётах Общества о нём больше не упоминается. В том же 1901 г. в Москве была издана книга «Жестокости современной науки», в которой автор, скрывшийся под инициалами С.К., в основном перепечатал факты, изложенные Вебером в его «Застенках науки», но добавил и российский материал. В книге на последних страницах был напечатан проект ходатайства, которое Общество собиралось адресовать министру внутренних дел Д.С. Сипягину. Оно состояло из 10 требований, главными из которых были:

- 1) обязательная наркотизация и умерщвление опытного животного до окончания действия наркоза;

- 2) запрещение демонстрации опытов во время лекций;

- 3) право присутствия при всех опытах представителей из РОПЖ (С.К., 1900, с. 47).

Эти требования в ультимативной форме и были предъявлены всем научным учреждениям Российской империи в 1903 г. Дело в том, что в сентябре 1902 г. баронесса Мейендорф стала председательницей Главного правления Общества (Берегой, 2005). Она добилась для Общества августейшего покровительства Е.И.В. Государыни

⁷ Отчёт о деятельности Российского Общества покровительства животным за 1901 год. СПб., 1902. С. 35.

Императрицы Марии Фёдоровны, после чего российские покровители животных стали действовать намного увереннее. Уже в январе 1903 г. действительный член Общества лейб-хирург императорского двора Г.И. Гирш по просьбе баронессы составил доклад, который назывался «О вивисекции, как о возмутительном и бесполезном злоупотреблении во имя науки». А 28 февраля того же года баронесса прочла этот доклад на приёме у императрицы Марии Фёдоровны, которая, выслушав его, собственноручно написала на полях: «Прошу обратить серьёзное внимание»⁸. Это был дипломатический приём со стороны баронессы Мейендорф, так как теперь она могла обращаться с этим докладом в министерства как бы «во исполнение высочайшей воли её императорского величества». Естественно, делу был дан ход. В марте председательница Главного правления обратилась к министру народного просвещения Г.Э. Зенгеру с просьбой принять меры к искоренению жестоких приёмов вивисекции в подведомственных ему учреждениях. Министерство предложило начальникам учебных округов передать этот вопрос на обсуждение медицинских факультетов университетов.

В это же время, 19 апреля 1903 г., доклад баронессы Мейендорф «о вивисекции, как о возмутительном и бесполезном злоупотреблении во имя науки» был рассмотрен на заседании Конференции Военно-медицинской академии. Основным тезисом доклада было требование совсем искоренить вивисекцию, а если это невозможно, то поставить её проведение под контроль членов РОПЖ, которые одни могли бы разрешать или не разрешать тот или другой опыт. В целом был предложен законопроект об ограничении производства вивисекций в России, который был более радикальным, чем все подобные законы, существовавшие на тот момент в Западной Европе.

Заключение Военно-медицинской академии было дано 17 января 1904 г. комиссией в составе профессоров И.П. Павлова, Н.П. Кравкова и П.М. Альбицкого. Их вывод заключался, во-первых, в том, что составительница доклада совершенно не знакома с тем предметом, о котором судит⁹, и, во-вторых, в том, что контроль членов РОПЖ не только унизителен для науки, но и опасен для общественного блага (Павлов, 1952, с. 225). И.П. Павлов даже высказал особое мнение:

...в негодовании и с глубоким убеждением говорю я себе и позволяю сказать другим: нет, это — не высокое и благородное чувство жалости к страданиям всего живого и чувствующего; это — одно из плохо замаскированных проявлений вечной вражды и борьбы невежества против науки, тьмы против света (там же, с. 226).

Получив такой отзыв из Императорской Военно-медицинской академии, баронесса стала беспокоиться и 28 февраля 1904 года послала письмо в Министерство народного просвещения, в котором просила образовать особую комиссию для рассмотрения этого отзыва и тех, которые будут получены от медицинских факультетов, с участием в этой комиссии представителей Главного правления РОПЖ¹⁰. В это время исполняющим обязанности министра был Сергей Михайлович Лукьянов, патофизиолог, который до получения в 1902 г. места товарища министра народного просвещения был с 1894 по 1902 гг. директором Императорского Института экспериментальной медицины (ИИЭМ) (Грекова, Голиков, 2001, с. 170).

⁸ Защита животных. 1904. № 4. С. 239.

⁹ Это не совсем верно, так как автором текста был хирург. — *Прим. Н.Б.*

¹⁰ Защита животных. 1904. № 4. С. 240.

Вот тут Вере Илларионовне действительно не повезло. С.М. Лукьянов был учёным, который имел собственное, можно сказать, профессиональное суждение о вивисекции и её значении для науки. С 1886 г. до назначения на пост директора ИИЭМа он занимал кафедру общей патологии в Варшавском университете, где издал ряд работ по патофизиологии на русском и немецком языках. Совершенно очевидно, что такой человек просто не мог решить вопрос о вивисекции в пользу Общества покровительства животным.

В 1906 г. были получены отзывы от всех учёных коллегий медицинских факультетов русских университетов. В ответе, который баронесса Мейендорф получила от министра народного просвещения П.М. фон Кауфмана, были такие слова: «Наконец, учёные коллегии высказываются безусловно отрицательно по всем пунктам тезисов, проектированных автором вышеупомянутого всеподданнейшего доклада о вивисекции, в качестве основных положений для будущего ограничительного закона по этому предмету»¹¹. К ответу прилагались резолюции Императорской Академии наук и 12-ти медицинских и ветеринарных факультетов Российской империи. Резолюция медицинского факультета Московского университета содержала слова о том, что «все эти проектируемые мероприятия являются произвольным посягательством на прогресс и свободу научных исследований» (Берегой, 2007).

Таким образом, закон об ограничении вивисекции опять, и теперь уже окончательно, не был утвержден правительством. Баронесса Мейендорф не достигла своей цели, но сделала борьбу с вивисекцией популярной. После её доклада в журнале «Защита животных» стали постоянно публиковаться статьи против вивисекции, а в бюджете Петербургского отдела Общества был организован специальный антививисекционный капитал. В конце 1906 г. в «Петербургской газете» опубликовали заметку о том, что «в Петербурге образовался кружок лиц с целью легализовать антививисекционное общество». А в декабре 1909 г. в Москве прошёл даже Съезд антививисекционистов¹². Однако для формирования сильного общественного антививисекционного движения было уже слишком поздно. Вскоре Первая мировая война отодвинула эту проблему на второй план, а революция 1917 г. и вовсе поставила на ней крест.

Подводя итог, хотелось бы сказать несколько слов о том, почему в России, в отличие от большинства европейских стран, производство вивисекций не было регламентировано законом. В Европе борцы с вивисекцией достигли успеха благодаря тому, что во второй половине XIX в. там уже сложилось мощное антививисекционное движение. В России же такого движения, несмотря на все попытки его организовать, не получилось. Вопрос, почему в России борьба с вивисекцией так и осталась на уровне полемики в прессе, требует ответа.

Есть несколько точек зрения. Одна из них состоит в том, что в Российской империи в XIX в. не было такой уж большой необходимости выступать против опытов на животных, по той простой причине, что не было такого размаха в производстве вивисекций, как в европейских странах. Например, в относительно небольшой Германии было 18 университетов, имевших медицинские факультеты. А в огромной Российской империи их было всего 10 и еще два ветеринарных института. Однако говорить о небольшом размахе вивисекций можно было в том случае, если бы эти опыты производились только профессорами на кафедрах или их ассистентами. Эта точка зрения, тем не менее, не отражает реальной картины, развернувшейся в XIX в. Я пришла

¹¹ Защита животных. 1906. № 12. С. 38.

¹² Друг животных: Журнал Московского отдела РОПЖ. 1910. С. 213.

к выводу, что вивисекции в это время были не просто средством научного познания, а ещё и модным занятием. И производились они отнюдь не только в научных лабораториях. Прямых документальных свидетельств тому нет, но есть косвенные.

К косвенным можно отнести требования представителей РОПЖ запретить, по крайней мере, производство вивисекций на дому, в частных квартирах, людьми, не имеющими специального образования и не руководствующимися специальной научной целью. Наличие таких требований само по себе свидетельствует о наличии прецедентов. Во-вторых, свидетельства, встречающиеся в литературе того времени. Это, конечно, всем известный Базаров из романа «Отцы и дети», который резал лягушек из любопытства, что говорит о том, что вивисекции служили для студентов-недоучек доказательством их приверженности материализму или нигилизму (Тургенев, 1981). И есть ещё один замечательный пример в романе А.И. Герцена «Кто виноват?». Речь идёт о маленьком уездном городке N, в который приезжает некий тайный советник, которого сразу приглашают посетить местную школу. Там все стоят перед ним на вытяжку, а учитель физики, желая выслужиться, предлагает произвести показ вивисекции для советника:

Учитель физики просил позволения его превосходительства убить кролика под колпаком пневматической машины и голубя лейденской банкой. Меценат просил их пощадить, причем директор, тронутый, посмотрел на всех учеников, как бы говоря: “Величие всегда сопровождается кротостью”. Голубь и кролик после этого жили в залавке у сторожа до самого акта, когда неумолимый учитель все-таки, к большому удовольствию всего города, принес их на жертву науке и образованию (Герцен, 1949, с. 36–37).

Почему же всё-таки не сложилось в России мощного антививисекционного движения? Причин довольно много, но к основным можно отнести две. Это низкий, относительно европейского, уровень культуры общественных движений. Ведь до середины XIX в. общественное мнение вообще не существовало в России как таковое. Только после 1858 г. стали появляться частные периодические издания в большом количестве, и было разрешено высказывать своё мнение относительно действий чиновников и государственных учреждений. Естественно, что в Европе практика воздействия на процессы общественной жизни с помощью общественного мнения имела более древние корни. Недаром активнее всего полемика против вивисекции развернулась в Прибалтике, которая географически и культурно была ближе к Германии, чем другие регионы Российской империи.

Вторая причина, как мне думается, состоит в том, что перед либеральными общественными деятелями в России в конце XIX — начале XX вв. встали проблемы, своим значением заслонившие важность борьбы за права животных. И одновременно, успехи биомедицинской науки, которая существенно продвинулась в деле борьбы за здоровье и благополучие людей, давали повод согласиться с учёными в том, что цена, заплаченная за прогресс является адекватной.

Работа выполнена по проекту РГНФ 15-03-00017.

Литература

Берегой Н.Е. Баронесса В.И. Мейендорф — председательница Главного правления Российского общества покровительства животным // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб.: Росток, 2005. С. 177–189.

Берегой Н.Е. Из истории провала законопроекта по ограничению вивисекции в России (1901–1906) // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3. С. 82–88.

Герцен А.И. Кто виноват? М.: Гостлитиздат, 1949. 256 с.

Грекова Т.И., Голиков Ю.П. Медицинский Петербург. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 416 с.

Исторический очерк деятельности Российского Общества покровительства животным со дня его основания 4 октября 1865 г. по 1891 г. или за 25 лет его существования / Сост. и пред. З.В. Зосимский. СПб.: [б. и.], 1890. 416 с.

Павлов И.П. Полное собрание сочинений: В 6-ти т. (8 кн.). 2-е изд. Т. 6. М.; Л.: Издательство Академии наук, 1952. 463 с.

С.К. Жестокости современной науки. М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1901. 46, II с.

Тарханов И.Р. Вивисекция // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. VI. СПб., 1892. С. 218–219.

Тургенев И.С. Отцы и дети. М.: Московский рабочий, 1981. 256 с.

Шиллинг М. фон. Исторический очерк деятельности Дамского Комитета Рижского приюта для животных с 6 октября 1874 г. по 1 января 1890 г. 2-е изд. Рига: Тип. Мюллера, 1891. 48 с.

Iatros. Die Vivisection, ihr wissenschaftlicher Werth und ihre ethische Berechtigung. Leipzig: Johann Barth, 1877. 104 S.

Schmidt A. Zur Vivisectionsfrage. Vier offene Briefe an die Redaction der “Zeitung für Stadt und Land” in Riga. Dorpat: Fellin, 1881. 55 S.

Weber E. von. Die Folterkammern der Wissenschaft. Eine Sammlung von Thatsachen für das Laienrepublikum. Berlin: Leipzig: Voigt, 1879. 77 S.

Vivisection and fight against it in the Russian Empire in the 19th — beginning of the 20th century

NATALIA E. BEREGOI

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey Vavilov, St. Petersburg Branch,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; nat.beregoi@gmail.com

In the 19th century the vivisection was introduced into physiology as an official scientific method (though, certainly, it was used by scientists earlier, since antiquity), and many people who managed to get acquainted closer with this method rejected it as something absolutely immoral and brutal. In Europe many of those who had to do with medicine and physiology appeared among anti-vivisectionists. In 1882 the question of vivisection was for the first time considered in Russia at the 1st Congress of the Russian Society of Protection Animals and its departments. Information about the researches conducted in laboratories and Universities became available to people outside laboratories, who were far from the world of science, and under the influence of this information they formed their special attitude to animal experimentation. In 1904–1905 anti-vivisectionists presented the project to put restrictions to vivisection to the meeting of the Mathematical department of the Academy of Sciences, and they received a negative reaction that stopped the project of going further at the level of the legislation.

Keywords: vivisection, anti-vivisectionism, baroness Vera I. Meyendorff, Ivan P. Pavlov, Military Medical Academy, Academy of Sciences.

References

- Beregoy N.E. (2005) “Baronessa V.I. Meyendorf — predsedatel'nitsa Glavnogo pravleniia Rossiiskogo obshchestva pokrovitelstva zhivotnym” [Baroness V.I. Meyendorf — a Chairperson of the Headquarters of the Russian Society for Prevention of Cruelty to Animals], in: *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie*, St. Petersburg: Rostok, pp.177–189.
- Beregoy N.E. (2007) “Iz istorii provala zakonoproekta po ogranicheniiu viviseksii v Rossii (1901–1906)” [To the History of the Failure of the Draft Plan for a Law for the Restriction of the Vivisection in Russia (1901–1906)], in: *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 3, pp. 82–88.
- Grekova T.I., Golikov Yu.P. (2001) *Meditsinskii Peterburg* [Medical St. Petersburg], St. Petersburg: Folio-Press.
- Herzen A.I. (1949) *Kto vinovat?* [Who is Guilty?], Moscow: Gostlitizdat.
- Iatros (1877) *Die Vivisection, ihr wissenschaftlicher Werth und ihre ethische Berechtigung*, Leipzig: Johann Barth.
- Pavlov I.P. (1952) *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works], vol. 6, Moscow-Leningrad.
- Tarkhanov I.R. (1892) “Viviseksiiia” [The Vivisection], in: *Encyclopedicheskii Slovar' Brokgauza i Efrona*, vol. 6, pp. 218–219.
- Turgenev I.S. (1981) *Ottsy i deti* [Fathers and Sons], Moscow.
- S.K. (1901) *Zhestokosti sovremennoi nauki* [The Cruelty of Modern Science], Moscow: Tovarischestvo I.D. Sytina.
- Schilling M. von (1891) *Istoricheskii ocherk deiatel'nosti Damskogo komiteta Rizhskogo priiuta dlia zhivotnykh s 6 oktiabria 1874 goda po 1 ianvaria 1890 goda* [Historical Review of the Activities of the Women' Committee of the Animal Shelter in Riga from 1874, October 6 to 1890, January 1], Riga, 2nd edition.
- Schmidt A. (1881) *Zur Vivisectionsfrage. Vier offene Briefe an die Redaction der “Zeitung für Stadt und Land” in Riga*. Dorpat: Fellin.
- Weber E. von (1879) *Die Folterkammern der Wissenschaft. Eine Sammlung von Thatsachen für das Laienrepublikum*. Berlin: Leipzig: Voigt.